

— Тсс. — Е Чжихэн осторожно поставил тарелку на подставку, на цыпочках подошел к двери, наклонился и заглянул в глазок.

Повернувшись, он тихо сказал:

— Ваш сосед действительно заказал доставку.

Тан Сю усмехнулся.

— Это же нормально, я сам видел, как он взрывал кухню.

Е Чжихэн цокнул языком.

— Смертный, но с характером.

Тан Сю фыркнул.

— Это не характер. На их языке это называется «цундере».

Е Чжихэн не смог сдержать смешок.

— Старый Предок, я заметил, что ваше чувство юмора улучшилось. Это заслуга соседа?

Тан Сю прищурился.

— Правда?

Он постоянно спорил с Цзян Цяо, и его язык стал острее.

— Он вам правда нравится? Восемьдесят первая несобранная душа может появиться от него?

Тан Сю не ответил. Если говорить о том, что Цзян Цяо ему нравится, он верил. Но если говорить о том, что несобранная душа может появиться от него — даже если Стяг сбора душ среагировал, он все равно считал это маловероятным, ведь в Цзян Цяо пока не было ничего героического или великодушного.

Он вдруг вспомнил что-то.

— Я помню, двести лет назад у тебя был роман со смертной женщиной.

Е Чжихэн, который как раз ел креветку, тут же подавился, не успев выплюнуть панцирь, и с досадой сказал:

— Пожалуйста, не упоминайте Миньминь, я до сих пор жалею об этом.

— Эта маленькая душа только начала появляться в нем, а вы его не любите. Без подпитки, как она сможет вырасти?

Тан Сю взглянул на него, но ничего не сказал.

В этот вечер Стяг сбора душ был необычайно спокоен. Тан Сю предположил, что Цзян Цяо действительно был подавлен. Он смотрел на неподвижный стяг с легким беспокойством: неужели он подавил ту маленькую душу, которая только начала появляться?

Думая об этом, Тан Сю, не стесняясь, достал телефон и написал Цзян Цяо сообщение.

[Тан Сю]: Режиссер, вы уже спите?

Цзян Цяо ответил лишь через пять минут.

[Цзян Цяо]: Спит.

[Тан Сю]: Если спите, как вы можете отвечать в WeChat?

[Цзян Цяо]: Я встал в туалет, вам что-то нужно?

[Тан Сю]: Завтра я начинаю съемки, просто хотел сказать.

[Цзян Цяо]: Ага.

Разговор был окончен, и Тан Сю уже собирался убрать телефон, как вдруг пришло еще одно сообщение.

[Цзян Цяо]: У режиссера Цая плохой характер, и он ненавидит, когда актеры пользуются парфюмом. Будь осторожен, не нарушай его запретов.

Тан Сю смотрел на экран телефона в замешательстве.

[Цзян Цяо]: Ты прочитал?

[Тан Сю]: Прочитал, спасибо, режиссер.

Цзян Цяо больше не писал. Тан Сю, почему-то представив, как тот сейчас «фыркает» на свой телефон, улыбнулся и убрал телефон, взглянув на Стяг сбора душ.

Флажок слегка дрогнул. Едва заметно, но дрогнул.

Это точно был Цзян Цяо.

Тан Сю облегченно вздохнул, чувствуя одновременно облегчение и легкую вину. Он чувствовал, что поступает не совсем правильно, постепенно возвращая чувства Цзян Цяо, но Е Чжихэн был прав: это бесполезно. Чтобы собрать эту душу, нужно было ответить на его любовь. Но он, проживший в одиночестве десять тысяч лет, вряд ли смог бы влюбиться.

Вдруг он почувствовал раздражение, редкое за последние тысячелетия.

На следующий день Тан Сю вместе с Ли Цзыпином отправился на съемочную площадку. Досъемки не требовали особых приготовлений, и все происходило в небольшом киногородке на окраине города. Когда Тан Сю прибыл, весь киногородок был пуст, за исключением одной палатки.

Режиссер еще не пришел, и Тан Сю готовился к гриму, пока Ли Цзыпин читал ему последние новости.

Его последний тренд — «Агент Тан».

Репортаж из сталелитейного завода вызвал большой ажиотаж. Вчерашний журналист, видимо, был мастером выдумки, добавив лишнюю минуту экранного времени для Тан Сю, подробно и с долей преувеличения описав все события, что привело к громкому заголовку.

На самом деле, для Тан Сю наблюдение за травмой руки преступника было пустяком, а их с Е Чжихэном согласованность была отточена за сотни лет, и здесь не было ничего удивительного. Но с точки зрения обычных людей, это было нечто невероятное.

— Ваши фанаты сегодня утром переименовали свои группы в духе «Агентства». Есть «Отдел оперативных действий», «Разведывательный отдел», «Главное управление агентов с момента основания Китая», «Отдел полевых агентов»...

Тан Сю нахмурился, прерывая Ли Цзыпина.

— Когда у меня появились фанаты?

Ли Цзыпин с досадой ответил:

— Предок, они появились в день записи шоу «Мастер своего дела». Вы что, никогда не заглядываете в Weibo?

Тан Сю кивнул.

— А сколько у меня сейчас подписчиков?

— Шесть миллионов.

Ли Цзыпин, видя его отсутствие реакции, подумал, что он считает это мало.

— Будь доволен, у тебя пока нет никаких работ. Даже блогеры выкладывают селфи и ведут стримы, а ты с пустыми руками собрал шесть миллионов подписчиков. Чего еще нужно?

Тан Сю улыбнулся.

— Я не считаю это мало, просто у меня нет понятия о таких цифрах.

— Ну, тогда вот так. Количество подписчиков в Weibo обычно пропорционально годовому доходу артиста, хотя те, у кого десятки миллионов, — это уже другой уровень.

Тан Сю нахмурился.

— Лучше снимайся в фильмах, не считай такие глупости.

Ли Цзыпин:

— ???

Гризер подошел и попросил Тан Сю переодеться, и Ли Цзыпин остался смотреть ему вслед. Через некоторое время он покачал головой, пробормотав:

— Его манера говорить становится все больше похожей на Цзян Цяо.

— Видел, как супруги становятся похожими друг на друга, и как хозяева и питомцы становятся похожими, но чтобы соседи тоже сближались...

Ли Цзыпин встряхнул головой, отгоняя странные мысли.

Режиссер Цай действительно был вспыльчив. Он был невысоким, с широкой спиной, в жилете с

множеством карманов, похожим на дедушку-земледеца, который ходил по площадке. Он раскритиковал осветителей и несколько камер, явно недовольный тем, что ему пришлось возвращаться для досъемок после завершения основного этапа.

Тан Сю подошел.

— Режиссер, я готов.

Цай повернулся к нему, его большой нос слегка зашевелился, словно он пытался уловить какой-то запах от Тан Сю.

Тан Сю сделал полшага вперед. Выходя из дома, Ли Цыпин советовал ему воспользоваться одеколоном, но он не стал.

Цай не уловил никакого запаха, внимательно осмотрел его и сказал:

— Выглядишь опрятно. Разве Цзян Цяо не лично выбрал тебя на главную роль? Почему ты берешься за такие мелкие проекты?

Ли Цыпин, стоя рядом, улыбнулся.

— Тан Сю хотел снять, а режиссер Цзян хороший.

Цай фыркнул, говоря с явным пекинским акцентом:

— Да ладно, если бы он был добрым, я бы вытатуировал на лице слово «мягкий». Не говори, что я не предупреждал: этот фильм выйдет сразу после съемок, и если его разнесут в сети, Цзян Цяо на съемках «Плахи для лис» точно тебя замучает. Там есть сцены с драками? Будет падать и синяки по всему телу.

Тан Сю засмеялся, представляя, как Цзян Цяо, живущий напротив, превращается в монстра на площадке.

Цзян Цяо будет использовать сцены драк, чтобы его избивать?

Тан Сю, напрягая воображение, мог представить только, как Цзян Цяо неохотно приносит аптечку, открывает дверь и ругает его: «Ты, бестолковый идиот».

— Сю? — Ли Цыпин толкнул его локтем, тихо сказав:

— Режиссер Цай с тобой разговаривает, о чем ты задумался?

Миньминь — возлюбленная Е Чжихэна двести лет назад. Е Чжихэн был неопытным в практике, и его ум не был особенно острым. В те времена мир был полон хаоса, и Миньминь была той, кого он спас от злодеев. Они сблизились, и Е Чжихэн, не сдержавшись, нарушил правила практикующего. Практикующие — не монахи, им не запрещено иметь романтические отношения, но после одной жизни любви и счастья нужно думать о тысячелетиях одиночества. Е Чжихэн был честен и рассказал девушке о своем бессмертии, пообещав каждый год посещать ее могилу на протяжении десяти тысяч лет. Они поженились по всем правилам, и в те времена это означало на всю жизнь, но в итоге он напугал ее до смерти, и она сбежала.

«Цундере» — японский термин, описывающий персонажа, который внешне ведет себя высокомерно или грубо, но внутри испытывает нежные чувства.

<http://bllate.org/book/16171/1449809>